

O. V. Герасимов

КНЯЗЬ Д. П. ЛОПАТА-ПОЖАРСКИЙ - САМАРСКИЙ ВОЕВОДА.

1613 год.. Тяжелое то было время. Всенародное избрание на Земском соборе царя Михаила Федоровича Романова положило конец Смуте - глубочайшему социальному-политическому кризису, в который попала Россия после пресечения древней династии Рюриковичей, - но ее отголоски еще раздавались по всей стране. Одним из последних очагов гражданской войны стала Астрахань, куда отступил разбитый на Рязанщине казацкий атаман и боярин "Тушинского вора" - Алехандрий II - И.М.Заруцкий с вдовой и малолетним сыном Са мозванца. Самара - небольшая крепость на восточной окраине Руси - на несколько месяцев попала под пристальное внимание центральной власти, ибо она была тогда, после разорения Царицына и Саратова, форпостом Москвы на пути Заруцкого, если тот решился бы двинуться вверх по Волге. На воеводство в город был послан князь Д.П. Лопата-Пожарский, один из вождей Второго ополчения, освободившего Москву от польских интервентов и русских изменников. Воеводе князю Пожарскому и будет посвящено наше повествование.

Князь Дмитрий Петрович Пожарский, по прозванию Лопата, был сыном князя Петра Тимофеевича Щепы и происходил из одной из ветвей рода князей Стародубских, ведших свою родословную от младшего сына великого князя Всея Руси Василия III Большое Гнездо, и, таким образом, принадлежал к боковой ветви древней великорусской династии. К сожалению, ни дата его рождения, ни имя его матери нам неизвестны. Это неудивительно, т.к. род Пожарских "захудал" и не входил в ряды высшей знати. Выдвинулись Пожарские лишь в последние годы Смуты благодаря другому Дмитрию Пожарскому - князю Дмитрию Михайловичу Хромому - воеводе и руководителю Ополчения, освободителю Москвы. Традиционно в истори-

ческой литературе князя Лопату именуют троюродным братом Дмитрия Михайловича. Это неверно, троюродными братьями были их отцы¹. Все же нельзя приписывать выдвижение рода Пожарских исключительно заслугам Дмитрия Михайловича. Его родичи - братья Дмитрий и Роман Петрович также сделали немало для освобождения России. Летом 1612 г. Дмитрий Лопата был направлен во главе крупного отряда в Ярославль, дабы не допустить захвата города казаками Заруцкого во главе с Просовецким. Успев добраться до Ярославля раньше Просовецкого, кн. Д.П. Лопата захватил находившихся в городе казаков-шпионов и посадил их в тюрьму. Просовецкий был вынужден уйти ни с чем. Затем воевода был послан в Пошехонье, где снова воевал с казаками, перебил и "переловил" многих из них, а оттуда отправился в Кашин, в погоню за казачьим предводителем Толстым. Во время похода войск Ополчения на Москву Дмитрий Петрович командовал передовым отрядом. Заруцкий, недоброжелательно относившийся к нижегородскому ополчению, пытался физически устранить его лидеров. Подсыпал он убийц и к Лопате-Пожарскому, но затея не удалась, и казаки были обращены в бегство. Так что, назначая Дмитрия Петровича в 1613 г. в Самару, московское правительство знало, что делало: новый воевода едва ли пошел бы на соглашение с Заруцким. Кроме того, он был способным полководцем и талантливым администратором. А это как раз то, что было нужно.

Так или иначе, летом 1613 г. Пожарский прибыл в Самару. Служба ему предстояла не из легких. Поволжские города испытали на себе всю тяжесть Смутного времени: Саратов и Царицын были разрушены, а Самара, хоть и обошла ее стороной война, находилась в весьма жалком состоянии. Сократилась торговля, из центра не поступали хлебные запасы. Служилые люди (300 стрельцов), составлявшие большую часть населения города, сделались "бедны, наги и бесконны", да тут еще из сожженого Саратова пришли 200 человек стрельцов, еще более обедневших. А их надо было кормить, тогда как положение с продовольствием в городе было катастрофическое. Пожарский докладывал в Москву: "И посыпал я ... в Сомарском (городке) обыскивать хлебных запасов, ино не добыли ничево ... В твоих, государевых, житницах хлебных запасов нет ни единые чети, а в миру купить не добыть ... Для осадного времени, Государь, самарс-

ким всяким людем сидети будет нечим ... хлебных запасов для осадного времени нет...¹². Ожидали, что Заруцкий, двинувшись весною вверх по Волге, осадит Самару. Но самое страшное было, по мнению воеводы, то, что весной служилые люди и их семьи "разбредутца розно", т.к. "стрелецкие жены и дети по миру ходят", и если до сих пор они с голоду не разбежались, то только потому, что "держит их зимний путь"¹³. Впрочем есть основания полагать, что Пожарский все же несколько преуменьшил бедность Самары и ее жителей. Так, вместо 500 руб., собиравшихся ранее самарскими воеводами в казну, кн. Лопата собрал за год своего воеводства 2 тыс. руб. (и это после 10 лет гражданской войны!). Естественно, что при сборе податей не обходилось без угроз, насилия, заведомого превышения полномочий. Надо сказать, что подобные действия были весьма характерны для Дмитрия Петровича: в 1618-1620 гг., будучи воеводой в Твери, он доставил казне дохода 1200 руб. в год вместо обычных 200, а в 1631 г. против него и его товарища по воеводству в Пскове кн. Данилы Гарина было начато следствие, в ходе которого подтвердились обвинения в притеснениях, незаконных поборах и налогах. Что и говорить, нравом воевода был крут.

Как назло, на Пожарского, которого занимали вопросы обеспечения населения продовольствием и подготовки весенне-летней кампании против Заруцкого, свалилась еще одна забота - дела посольские. 11 декабря 1613 г. воевода получил царский указ с объяснением пути следования двух посольств: русского, возглавляемого Михаилом Тихановым, и персидского, во главе с шахским послом Амир Алибеком. Поскольку Астрахань находилась в руках Заруцкого, предлагалось отправить посольства через Среднюю Азию, для чего Лопате-Пожарскому надлежало допросить бухарских и хивинских купцов и выяснить, могут ли они взять посольства с собой по тому же пути, по которому самишли на Русь. Воевода вызвал купцов для допроса в съезжую избу (так именовали в тогдашней России резиденцию воеводы). Отчет был отправлен в Москву. Пожарский сообщал, что купцы берутся провести послов через Ургенч (в Хивинском ханстве) в Хорасан (в Персии). Далее воевода писал, что в настоящее время между Ираном, Бухарой и Хивой установлен мир и что купцы ручаются за безопасность посольств. Кроме того, разбойные кочевые племена

кочуют в Южной Сибири, а туркмены присягнули хивинскому хану, "а воровства де от них нет".

Купцы рекомендовали отправить посольства в конце зимы по насту, когда в степи уже не будет столько много снега, но до вскрытия рек. От себя Пожарский, поддержавший предложения купцов, добавил, что посольства должны пересечь степь до того, как там сойдет весь снег и появится подножный корм для лошадей, т. к. в противном случае там сразу же появятся калмыки и ногаи. Но до приезда послов в Самару 28 февраля 1614 г. так и не выяснили окончательно, каким же путем им следовать дальше: через Среднюю Азию или через Дон, Сунжу и Дербент. Камнем преткновения стала позиция шахского посла, который боялся, что у Ирана сейчас война с Хивой или Бухарой. З марта купцы были вновь вызваны в съезжую "для договору о дороге", где заверили персидского посла, что в Средней Азии установлен мир. Тем не менее Амир Али-бек требовал оставить бухарского купца Науруса и хивинского хана Дербыша, людей богатых и влиятельных, в России в качестве заложников. По всей видимости (точно установить невозможно, поскольку прямых письменных свидетельств не сохранилось) это требование посла было выполнено, т. к. ни хивинец, ни бухарец с посольствами не поехали, а вернулись в Казань. Вообще московские власти придавали большое значение посольствам Амира Али-бека и Тиханова, видимо, в связи с попытками Заруцкого установить контакт с Персией (посольство Гладкова). Поэтому в Самару из Москвы шли указы с угрозами и обвинениями в адрес воеводы, подчас несправедливыми, т. к. ситуация в городе не способствовала снаряжению посольств, а Амир Али-бек был особой весьма капризной. Так, находясь в Нижнем Новгороде, он собрал вокруг себя "девок", устраивал с ними и со своей свитой попойки и дебоши. Насилу удалось призвать посла к порядку. Пожарскому же предстояло не только обеспечить посольства продовольствием для людей и кормом для лошадей (более 100 человек и около 200 лошадей), но и снарядить для трудного перехода через степь, дать охрану и вожей (т. е. проводников). А с последними в Самаре было туго - дальше Яика никто пути не знал; позже выяснилось, что самарским вожам был неизвестен даже сухой путь на Дон.⁴ А тут еще Али-бек потребовал обеспечить лошадей овсом и заменить

больных лошадей на здоровых. Поначалу Дмитрий Петрович, по-видимому, отказал. Тогда посол привел на площадь 17 больных лошадей и покинул их, пригрозив, что сделает то же с остальными, если ему не дадут овса. Помятая об угрозах из Москвы, Пожарский добыл 40 четвертей (ок. 8400 л) овса и отдал их Али-беку. Собрать такое количество фуража в голодном городе было, очевидно, не просто. В ход пошли, скорее всего, привычные воеводе угрозы и насилие. Еще один конфликт возник между воеводой и Москвой вокруг вопроса об охране посольств, которые требовали себе 100 конных стрельцов. На Самаре таковых было 50, да 77 из Саратова. Пожарский писал, что саратовцы - "люди разоренные", а самарских стрельцов "послати не смею: стрельцы бедны, наги и безконны. Послать... до Юргенчи (Ургенча, т. е. Хивинского ханства) нагих в чужой орде (т. е. в чужую страну) - твоему государеву имени позорно будет..."⁵ Воевода соглашался послать 30 чел. вместо 50, посылки которых требовала Москва, но даже это, по его словам, было трудно сделать, т. к. "надобно... собрати в миру по две лошади человеку..."⁶. Посольский приказ ответил бюрократической отпиской с новыми угрозами в адрес Пожарского и требованием точно выполнять указы, следить, дабы посол был доволен, "чтоб твоим оплоществом нашему такому великому делу порухи не было, а тебе б от нас за то в великой опале не быти."⁷ Сей грозный указ был получен 28 марта, через три дня после отъезда посольств, когда воевода был уже занят совсем другими заботами. Почти месячное пребывание посольств, видимо, здорово подорвало материальные ресурсы Самары. Не стоит говорить даже о питании членов посольств и фураже для их лошадей. Позднее Дмитрий Петрович писал: "А которы лошади были в мире и те лошади выбраны и посланы под провожатыми, которые посланы провожать кизылбашского (т. е. персидского) посла и посланника (М. Тиханова)..."⁸. А ведь через какой-нибудь месяц должна была начаться военная кампания! Неизвестно, сколько же всё-таки стрельцов послал Пожарский в охрану посольств; скорее всего 50, как того требовала Москва. Отряд во главе с сотником Мизиновым и пятидесятником Никитиным вернулся в Самару уже 6 мая. Мизинов сообщил, что стрельцы довели посольства до р. Эмбы без осложнений, но вот на обратном пути на них напали кочевники и убили двух человек. Так

что князь Лопата был прав, предлагая отправить посольства до появления в степи кочевников: встречи с ними были более чем небезопасны. Итак, государево дело с персидским посольством было выполнено, и воеводе предстояло заняться другими проблемами - в Астрахани собирал силы Заруцкий.

Уже говорилось о том, что 28 марта в Самару прибыл запоздавший указ из Москвы касательно обеспечения посольств. Но Лопате-Пожарскому было уже не до него. В тот же день в Самару прибыл нижегородец Г.Емельянов с вестями об астраханских делах. По его словам, Заруцкий договорился с юртовскими татарами и ногаями о походе на Самару и Казань, который должен был состояться после вскрытия Волги. Кроме того, посольство Заруцкого к шаху во главе с И. Хохловым, Я. Глядковым и Б. Накрчеевым было уже в Дербенте, и вскоре ожидалось их прибытие к шаху. Пожарский немедленно информировал об этом астраханских воевод боярина кн. И.Н. Одоевского и окольничего С.В. Головина. Они находились в Казани и руководили подготовкой похода на мятежную Астрахань. Одоевский и Головин стремились также не допустить объединения астраханцев с волжскими и донскими казаками. На Дон с грамотами был послан казанский сын боярский А. Аристов, а на Волгу - два казанских стрельца. Пожарскому было предписано обеспечить гонцов вожами, лошадьми и лодкой с гребцами. Как уже говорилось, ни вожей, ни лошадей на Самаре не было, и гонцы их, естественно, не получили. После повторного указа из Казани (первый самарский воевода оставил без ответа) Пожарский ответил воеводам в весьма грубой форме: "А по государеву указу велено вам гонцов на Дон и на Волгу посыпать самим... а ко мне пишете с указом, а велите мне свои те указы слушать. И я в нарядчиках (т.е. в подчиненных) не бывал ни у кого, а ты, Семен (Головин), пишешь ко мне с указом. Отец твой моему отцу нигде не указывал, а ты мне тако ж не указывай... А ко мне с указом не пишите - указу мне вашего не слушати!"⁹. В этой отписке - весь Дмитрий Петрович, вспыльчивый, грубый, не терпящий над собой указчиков. В тот же день, 17 апреля, стрельцов, направлявшихся к волжским казакам, отпустили из Самары посуху, а Аристова отослали обратно в Казань. Эти действия воеводы вызвали у Одоевского приступ гнева, и в очередном послании Пожарскому

он разразился нецензурной бранью. Аристов же (один из богатейших людей Казани) обиделся на Лопату и, как писал позже воевода, "в Сомарском (городке)... брата моего и меня лаял", а потом, по пути в Казань, на князя "смуту сказывал" царским людям стрелецкому голове Пальчикову и воеводе кн. Болховскому, дескать Пожарский говорил, что тоже умеет "воровать" и хочет присоединиться к Зарудцкому. Зная Пожарского, мы можем однозначно охарактеризовать заявление Аристова как клевету. В эти же дни, в конце апреля, возник конфликт Дмитрия Петровича с головой Пальчиковым, посланным на устье Усы для оберегания Волги от возможного похода казаков. 20 апреля Пальчиков прибыл на Усу, поставил острожек и приступил к охране волжского пути. 23 апреля Пожарский в резкой форме потребовал, чтобы отряд Пальчикова перешел в Самару, мотивируя свои претензии известием, как потом оказалось, ложным, о готовящемся совместном походе турок и "воровских" казаков на Самару, отмечая, что самарский гарнизон осады не выдержит. Пальчиков же без разрешения своего непосредственного начальства, т.е. кн. Одоевского, перебраться в Самару не мог, о чем и писал в Казань: "И о том как укажете?"¹⁰. Воеводы указали стоять на месте... Случай выплыснуть свою обиду Пожарскому вскоре предоставился. Со слов царева человека Якушки Сурьянова князь обвинил Пальчикова в том, что тот задерживает торговых людей с хлебными и "иными" запасами, коих так не хватает в Самаре. Жалобу воевода направил прямо в Москву, государю. В исторической литературе утверждалось мнение, что Пальчиков переусердствовал и действительно задержал торговых людей¹¹. На самом деле все обстояло иначе. Яков Сурьянов, сообщивший Пожарскому о задержании торговых людей, прибыл в Самару 21 апреля и заявил, что Пальчиков держал его в устье Усы три дня.¹² Но Пальчиков-то прибыл туда только 20 числа!¹³. Так что Сурьянов солгал. Можно лишь догадываться, почему он это сделал, а вот почему Пожарский охотно прислушался к наветам, понять нетрудно. Челобитьем лично государю Дмитрий Петрович мстил явно не в какого-то стрелецкого голову, а в боярина Одоевского. Все эти события прекрасно характеризуют нрав самарского воеводы. К счастью, они не имели серьезных последствий. Личная перебранка воевод и голов не помешала им готовить поход на Астрахань,

который начался 5 мая.¹⁴ В середине мая Одоевский с войсками прибыл в Самару, где 17 числа получил известие, что астраханцы подняли восстание против Заруцкого. Послав в тот же день на низ передовые отряды, 21 мая Одоевский и Головин двинулись в поход во главе основных сил. В конце месяца из Самары вышел еще один военный отряд. Получив известие, что терский голова В.Д. Хохлов бьется с Заруцким, Пожарский выслал ему на помощь два стрелецких приказа во главе с головами М. Соловцовом и Л. Вышеславцевым с "вогненным боем" (т.е. с артиллерией). Не совсем ясно, откуда под началом самарского воеводы взялось два стрелецких приказа (ок. 1000 чел.): в городе никогда не было столько народа. Видимо, их оставили в Самаре Одоевский и Головин. Но это оказалось излишне: Заруцкий был разбит, бежал на Яик и вскоре пленен. Правда, на Волге еще не было спокойно. Казацкий мятеж после захвата Заруцкого, Марины Мнишек и ее сына выродился в обыкновенный разбой, о чем Пожарский 3 июля отписал Одоевскому. Скорее всего, это была последняя отписка Лопаты-Пожарского в качестве самарского воеводы. Как удалось установить на основании ранее неизвестных архивных документов, уже 2 июля в Самару прибыли новые воеводы, назначенные Москвой - кн. В.И. Туренин и кн. М.В. Белосельский.

Закончилась служба Дмитрия Петровича в Самаре. Она принесла ему немало огорчений. Не будем повторять то, о чем говорилось выше. Ко всему этому добавилось еще то, что во время воеводства в Самаре у Лопаты безвинно отняли его вотчину - село Козарь в Рязанском уезде, пожалованную ему "за его службишку, и за кровь, и за Московское очищение". Впоследствии Пожарский еще многие годы служил Царю и Отечеству как на военной, так и на гражданской службе - такое уж было то время, когда одни и те же люди были и военачальниками, и администраторами. Год службы в Самаре одного из виднейших людей своего времени, князя Дмитрия Петровича Лопаты-Пожарского, - конечно, всего лишь эпизод в истории нашего города, но именно в этот год в Поволжье решались судьбы страны и новой династии, и поэтому эти события привлекают к себе внимание всех, кто интересуется историей Отечества.

Примечания

1. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Изд.2-е СПб., 1895. Т.2. С. 107-108.
2. Цит. по: Бушев П.П. История посольств и дипломатических сношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. (По русским архивам). М.,1987. С. 32.
3. Цит. по: Там же.
4. Архив СПб.ИИ ФИРИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Ч.1. Д. 65. Л. 1.
5. Цит. по: Бушев П.П. Ук. соч. С. 32.
6. Цит. по: Там же.
7. Цит. по: Там же.
8. Архив СПб. ИИ ФИРИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Ч.1. Д. 65. Л. 1.
9. Там же. Лл. 2-3.
10. АИ. Т.III. № 256. С. 422-423.
11. См.: Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904; Смирнов Ю.Н. "В лето 7122-2" //Самарский краевед. Самара, 1991. Ч.1. С. 33-34; Дубман Э.Л. Сказание о первых самарцах: Очерки по истории Самары 1586 - 1680-х гг. Самара, 1991. С. 56.
12. АИ. Т. III. № 253. С. 420-421.
13. Архив СПб. ИИ ФИРИ РАН. Ф. 178. Оп.1. Ч. 1. Д. 117. Л. 1.
14. Там же. Д. 130. Л. 1.
15. Там же. Д. 262. Л. 1.